

2018
Музыкальный спектакль
ОНА - ЛЕДИ
По мотивам пьесы Б. Шоу «Пигмалион»
Автор переработки – Лютый Артур

ВАРИАНТ 2

Лютый Артур
063 635 6924
lutyjartur@gmail.com

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ЭЛИЗА ДУЛИТЛ. 18 лет. Живёт в Лондоне, работает дворницей, снимает квартиру в неблагополучном районе города.

ГЕНРИ ХИГГИНС. 36 лет. Работает преподавателем английского языка в престижном университете Лондона.

МАРТИН ПИКЕРИНГ. 29 лет. Приехал из Индии, куда его отправил Кинг Колледж для изучения индийских диалектов английского языка и преподавания в индийских институтах. К началу пьесы возвращается в Кинг Колледж.

ФРЕДДИ ДЖОНСОН. 20 лет. Актёр телевидения.

МЕРИ ХИГГИНС. Мать Генри Хиггинса

МИСТЕР ФИЛИПС. Декан

МАТЬ ФРЕДДИ.

ДЕВУШКА 1.

ДЕВУШКА 2.

ДЕВУШКА 3.

ПАРЕНЬ 1.

ПАРЕНЬ 2.

ПАРЕНЬ 3.

МЕСТО И ВРЕМЯ ДЕЙСТВИЯ – ЛОНДОН, 2018 год.

ПЕРЕЧЕНЬ МУЗЫКАЛЬНЫХ И ЭТЮДНЫХ НОМЕРОВ

1. ИСТОРИЯ ЦИКЛИЧНА – ВСЕ;
2. ТЯГОСТНАЯ ЖИЗНЬ У НАС – ВСЕ;
3. ВРЕМЕНА ГОДА 1 (*только танцевальный*) – ВСЕ;
4. НИКТО ПРАЗДНИК НЕ ИСПОРТИТ МНЕ – ЭЛИЗА;
5. ХАОТИЧНАЯ ХОДЬБА И ЭТЮДЫ 1 (*только танцевальный*) – ВСЕ;
6. БИТ НЕ ОСТАНОВИТЬ – ФРЕДДИ, ЭЛИЗА, МАССОВКА;
7. ПРОСТО ЛЮБИ МЕНЯ – ЭЛИЗА И ФРЕДДИ;
8. CAREBBIAN BLUE (*только танцевальный*) – ЭЛИЗА;
9. ВРЕМЕНА ГОДА 2(*только танцевальный*) – ВСЕ;
10. Я БУДУ ЖИТЬ! – ЭЛИЗА;
11. ХАОТИЧНАЯ ХОТЬБА И ЭТЮДЫ 2 (*только танцевальный*) – ВСЕ;
12. МАММА МИА! – ХИГГИНС;
13. SUPER TROUPER – ЭЛИЗА, ХИГГИНС, ФРЕДДИ, МЕРИ ХИГГИНС, МАТЬ ФРЕДДИ И МАССОВКА.

Пролог

На экран высвечивается сюжет новостей.

Ведущий. Сегодня, 10 декабря 2018 года, мы празднуем 70-летнюю годовщину со дня подписания Всеобщей декларации прав человека. Первая статья декларации гласит: «Все люди рождаются свободными и равными в своём достоинстве и правах». Многие годы людей делили на богатых и бедных, судили о них по их происхождению и относились предвзято к некоторым членам общества только из-за их социального статуса. Но этому пришёл конец ровно 70 лет назад.

10 декабря мы празднуем День прав человека, которые открыли всем и каждому равные права, свободы и достоинства! Каждый, вне зависимости от его происхождения, может стать уважаемым членом общества.

В этот день в Лондоне прошла мирная демонстрация в честь Дня прав человека. В демонстрации приняли участие...

Сюжет гаснет.

На сцене темнота. Звучит музыка. На сцену выходят актёры, которые полностью одеты в чёрную одежду. Во время звучания песни актёры взаимодействуют между собой, показывая сцены неравенства между богатыми и бедными, которые тянулись с начала человеческой цивилизации.

Актёры. (поют) ЕСТЬ МЫСЛЬ О ТОМ, ЧТО НАШ МИР – ЭТО ЦИКЛ.

И ЧТО Б НЕ СЛУЧИЛОСЬ – МЫ В ПУЧИНЕ СОБЫТИЙ!

ПРОРОЧАТ НАМ КРУГОВОРОТ,

ЧТО РЕВОЛЮЦИЯ ВОТ-ВОТ,

НО МЫ-ТО ЗНАЕМ НАПЕРЁД:

ВСЁ В НАШЕЙ ЖИЗНИ – ЭТО ЛИШЬ ПОВТОР, ЦИКЛИНОСТЬ
ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ!

ОТОВСЮДУ КРИЧАТ: «НОВЫЙ СТИЛЬ ВОЗРАСТАЕТ!»,
КРИЧАТ, ЧТО РАВНЫ МЫ, УГНЕТЕЙНИЙ НЕ ЗНАЕМ.
НО МЫ-ТО ЗНАЕМ НАПЕРЁД,
ЧТО МИР – СПЛОШНОЙ КРУГОВорот,
ИСТОРИИ ПОВТОРНЫЙ ХОД.
НЕРАВЕНСТВО И РАВЕНСТВО – ВСЁ ЭТО ПОВТОРЕНЬЯ.
О ДА, КРУГОВорот!
ВСЁ В НАШЕМ МИРЕ – ЭТО ЛИШЬ ПОВТОР, ЦИКЛИЧНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКИХ
СОБЫТИЙ!

Свет гаснет. Актёры уходят.

Сцена 1

Включается свет. На первом плане сцены – ромашки, на третьем – вид на Лондон, который выполнен в сером и жёлтом тонах. На втором плане расположены фонарь и скамейка.

Холодное зимнее утро, где-то 7:30. Люди на улице одеты потеплее. Кто-то пьёт горячий чай, а кто-то спешит на работу. У лавочки стоит женщина лет шестидесяти. Она одета безвкусно, сидит в телефоне и ест сосиску в тесте. Рядом с ней топчется парень лет двадцати.

Женщина. (жуя сосиску) Или вот, смотри (показывает телефон парню). Как тебе такое?

Парень. Не очень.

Женщина. Это ещё почему?

Парень. Ты серьёзно хочешь купить леопардовое платье, мама? Очнись! Оно было пошито, непонятно, когда, перекуплено непонятно, сколько раз, да и ещё надето непонятно, на... Не очень хорошо на тебе сидит.

Женщина. Ничего ты, Фредди, не понимаешь! Хотя, вкус – дело случая, у кого-то есть, а у кого-то нет.

Фредди. Опять эти твои точёные фразочки, мама.

Миссис Джонсон. Где твои манеры, Фредбер Джонсон?

Появляется бродяга. Он идёт с табличкой «ЕДУ НЕ БЕРУ, ПРИНИМАЮ ТОЛЬКО ДЕНЬГИ!». Он садится под фонарь и ставит пластиковый стаканчик. Спустя некоторое время, бродяга засыпает.

Девушка 1. Эти бродяги уже совсем обнаглели! Ничего святого!

Девушка 2. Не говорите! Сидят тут и разбрасывают свои болячки, всех заражают.

Парень 1. Ну что Вы пристали к человеку? Сидит себе и сидит, не трогает никого, а его уже с ног до головы обложили. Ну что за люди...

Девушка 1. Пусть эти бездомные сидят у себя дома и не заражают всех людей вокруг своими болячками. Тьфу!

Дворница, которая всё это время заметала, приближается к бездомному и случайно задевает его метлой.

Бездомный. (проснувшись) Ай-ай-ай! Помогите! Спасите!

Толпа оживляется. Слышны вскрики: «Что? Где? Почему он кричит, как ненормальный? Что случилось?»

Девушка 3. Ну что Вы кричите, как будто Вас убивают?

Бездомный. Так меня убивают! Лежу себе, сплю, понимаешь, никого не трогаю, и вдруг является это чучело (*указывая на Элизу*) и начинает бить меня метлой! Она хотела меня убить, чтобы забрать все мои деньги!

Крики возмущения. Толпа сочувствует бездомному, приговаривая: «Совсем уже совесть потеряли! Избивают среди бела дня!».

Элиза. (*ошарашенно и возмущённо*) Я? Да что ж я такого сделала? Я ж заметала. Коль и ударила, то случайно, не со зла! Чё вы все уставились на меня своими глазищами по 5 копеек? Да не убивала я его! Я девушка приличная, мне его деньги не нужны, я сама себе на жизнь зарабатываю!

Потихоньку люди теряют к ней интерес.

Ой, что ж творится-то... Уже ни в чём не повинную за решётку садят! Вот вам и правосудие! С человеком поговорила – и в тюрьму. Это всё потому, что я дворница, да? Замухрыжка? Дожили! Теперь с людьми стоять даже нельзя, убийцей сочтут, потому что не так одета! Оой, что ж мне теперь будет-то... Папенька откажется, мачеха прогонит... Бедная я, несчастная! Ой...

Хиггинс. (*записывает что-то в заметки на телефоне*) Да оставьте Вы эту метлу уже в покое. Вы можете её хоть съесть, хоть сжечь – нам до этого нет никакого дела. Только не надо нарушать тишину в общественном месте.

Элиза. Теперь и рот закрывают! Ой, да что же творится-то...

Парень 2. Да что ж ты орёшь, как осипшая курица! Башка уже раскалывается!

Пикеринг. Вам, господа, стоило бы быть повежливее с девушкой. Она ничего такого не сделала, чтобы ей грубить.

Хиггинс. Да это создание девушкой даже назвать нельзя! Вы только посмотрите, во что она одета, как говорит и чем занимается.

Пикеринг. И всё-таки, от этого всего она ничем не хуже нас.

Все удивлённо смотрят на Пикеринга. Неловкая пауза.

Хиггинс. Да нет же! Как Вы не понимаете: то, чем мы занимаемся, то, как мы говорим и то, во что мы одеты – всё это именно меня или именно Вас лучше или хуже другого человека. **Consuetudo est altëra natūra.** Привычка — вторая натура.

Пикеринг. Вы говорите ужасные вещи! Теперь ведь 21 век, век перемен! Мы все равны. Между собой и перед Богом.

Хиггинс. Ах, вся эта ерунда с толерантностью и разрушением моральных устоев теперь называется двадцать первым веком...

Пикеринг. Моральных устоев? Да разве презирать одного человека и уважать другого только из-за его социального статуса – это моральные устои?

Хиггинс. Для меня – да. Разделение по социальному статусу – это то, что держит наше общество на плаву.

Общее возмущение. Возгласы типа: «Совсем людей ни во что не ставит! Позор!»

Элиза. Ой, что городит, что городит... Мы, понимаешь, теперь мусор всякий, куда нам до таких...

Возмущение. Все поддерживают Элизу.

Хиггинс. Ну же, господа! Не стоит так остро реагировать на мои слова. Всё это фигурально. Надеюсь, значение слова объяснять не надо.

Элиза. *(то ли испуганно, то ли удивлённо)* Чё?

Хиггинс. *(зло)* Ничё. *(Пикерингу)* Как профессор фонетики, скажу Вам, что не бывает так, чтобы один англичанин открыл рот, не вызвав презрения у другого. Таковы реалии нашего мира.

Пикеринг. Значит, эти реалии надо менять!

Хиггинс. Что ж, давайте заключим с Вами пари: если я, профессор Хиггинс, крупнейший профессор фонетики в Великобритании, смогу... допустим, сделать так, чтобы это... чудо *(Элиза недовольно вскрикивает)* поступило в Кинг Колледж, то я признаю, что Ваша теория верна. А если же нет, то буду прав я.

Пикеринг. Вы – профессор Хиггинс? Так мы с Вами коллеги!

Хиггинс. Коллеги? Не встречал Вас в Кинг Колледж.

Пикеринг. Дело в том, что Кинг Колледж отправлял меня в Индию для изучения индийских диалектов английского, а сейчас я наконец вернулся. Я слышал о Вас и хотел с Вами встретиться. Приятное совпадение.

Хиггинс. Весьма приятно с Вами познакомиться. Но меня интересует другое: Вы согласны на пари? На кону – правильность наших мировоззрений.

Элиза. А меня спросить Вы ничё не забыли, не?

Хиггинс. Спрашивать Вас начнут тогда, когда Ваше мнение начнёт что-то значить.

Элиза. Тоже мне, большая птица – учитель! Можно подумать, мне это сильно надо. Я сама по себе очень умная и талантливая, и могу обойтись без ваших книжечек.

Пикеринг. Дорогая...

Элиза. Элиза.

Пикеринг. Дорогая Элиза, только подумайте: Вы будете жить в большом красивом доме, бесплатно заниматься у лучшего профессора Англии, да ещё и получите перспективу хорошего образования!

Элиза. Ну ладно...

Хиггинс. А кто сказал, что я буду бесплатно с ней заниматься?

Элиза. Вот жмот!

Пикеринг. Не беспокойтесь, Ваши уроки ей оплачу я.

Элиза. Спасибо, добрый человек!

Пикеринг. Ну так что, Хиггинс? Готовы попрощаться с уверенностью в правильности своих убеждений?

Хиггинс. Да ни за что. *Alea jacta est.* Жребий брошен.

Элиза, Пикеринг и Хиггинс уходят.

Массовка. *(поёт)* ТЯГОСТНАЯ ЖИЗНЬ У НАС,

ВМЕСТО ЖИЗНИ - ЖЕСТЬ У НАС.

СЛАДОСТЕЙ НЕТ – ГОРЬКОСТИ,

РАДОСТЕЙ НЕТ – СЛОЖНОСТИ...

ВОТ ТАКАЯ ЖИЗНЬ!

ОЩУЩЕНИЕ, БУДТО ВОЕТ ВЕТЕР

БЕЗ КОНЦА, И В ЖИЗНИ ТЕПЛА НЕТ.

И ИЗ ЗЛЫДНЕЙ НАМ ВЫБРАТЬСЯ НЕ СВЕТИТ

НЕ УВИДИМ ЖИЗНЕННЫЙ МЫ СВЕТ.

БЕСКОНЕЧНО СНЯТСЯ НАМ КОШМАРЫ,

БЕСКОНЕЧНО НАДО УБЕГАТЬ, НО

НЕ БУДЕМ МЫ ПРЯТАТЬСЯ И ПЛАКАТЬ,

МЫ УСПЕХОВ БУДЕМ ДОСТИГАТЬ!

ВОТ ТАКАЯ ЖИЗНЬ У НАС,

ВМЕСТО ЖИЗНИ – ЖЕСТЬ У НАС.

СЛАДОСТЕЙ НЕТ – ГОРЬКОСТИ,

РАДОСТЕЙ НЕТ – СЛОЖНОСТИ!

ВОТ ТАКАЯ ЖИЗНЬ!

Затемнение.

Сцена 2.

Включается свет. На сцене – здание университета. Первый и третий план – такие же, как и в предыдущей сцене, а на втором плане – стол и книжный шкаф. Из зрительного зала на сцену поднимаются Хиггинс, Элиза и

Пикеринг. Элиза жуёт жвачку.

Пикеринг. Элиза, перед Вашими глазами обитель науки, дом образования, храм знаний *(Элиза крестится)* – Кинг Колледж!

Хиггинс. Да, а если Кинг Колледж – храм, то Элиза – грешница.

Элиза недовольно вскрикивает.

Пикеринг. Опять Вы за своё, Хиггинс! Мы ведь здесь, чтобы научить девушку чистому английскому языку. Ваши комментарии не уместны.

Элиза. И чем я тут маяться буду? Здесь нет ничего!

Хиггинс. Откройте глаза, дорогая! *(проводит Элизу по кабинету)* Учебники, приборы, архив диалектов – это всё, что я накапливал в течение пятнадцати лет! Это – моя стихия. Сердце выпрыгивает из груди, мысли в полёте. Иногда мне кажется, что это – цель моей жизни. Надеюсь, станет и вашей.

Элиза. Тоже мне, стихия... Стихия – это... Это когда, ну... Когда чувства так УХ, что аж АХ и М! Просто суперски!

Хиггинс. Содержательнее Вашей фразы будет даже содержание освежителя воздуха.

Элиза. Эй!

Пикеринг. Коллега, я, конечно, понимаю, что вы любите фонетику всем сердцем, но делать из этого цель своей жизни... Неужели у Вас нет той, что могла бы сделать целью Вашей жизни Ваш дом и его благоустройство?

Элиза ходит по кабинету и осматривает его.

Хиггинс. Ах, Пикеринг. Ну сами подумайте: неужели я променяю свою любимую работу, приносящую, между прочим, очень неплохой доход, на... на призрачную перспективу так называемого счастья? **Amōrem canat aetas prima.** Пусть юность поёт у любви. А у нас с вами, знаете ли, другие песни. *(шёпотом)* В конце концов, посмотрите на неё. Вредная, необразованная, зато с претензией на хорошее отношение! Все девушки такие!

Пока Хиггинс произносит свою речь, Элиза успевает «примерить» на себе несколько вещей, сломать одну из них и замести следы преступления. Вдруг она замечает, что Пикеринг и Хиггинс шепчутся. Подходит к ним.

Пикеринг. Но ведь...

Элиза. Так, чё это мы шепчемся? Больше двух – говорят вслух!

Заходит декан.

Декан. *(протягивает)* Так... А это что у нас такое? Ладно Вы, Хиггинс, от Вас можно ожидать чего угодно. Но Вы, Пикеринг! Первый день после длительного отсутствия – и сразу же нарушение правил! Вы мне скажите, почему в аудитории чужой человек?

Хиггинс. Начинается...

Пикеринг. А это... Педагогический эксперимент! Более того, эксперимент, который принесёт нашему университету славу и деньги!

Декан. И в чём же суть эксперимента?

Пикеринг. Суть в том, чтобы понять, возможно ли перевоспитать человека, перевести его из одного состояния в другое. Это как... Это как в «Пигмалионе», читали? Цветочница, профессор фонетики. Наш эксперимент – попытка воплощения вымысла в реальность.

Хиггинс. Да, только в реальности всё гораздо хуже.

Декан. Ну допустим, эксперимент удастся. Но какая выгода для меня? Или хотя бы для университета?

Пикеринг. Как это? Вы же знаете, идея равенства сейчас очень популярна. Если наш эксперимент удастся, все заговорят о правдивости этой идеи и о том, что Кинг Колледж эту идею поддерживает, а нам это только на руку.

Декан. По окончании эксперимента телевидение прибудет, чтобы запечатлеть результаты?

Пикеринг. Обязательно.

Декан. Ладно, тогда можно. Только будьте тише воды и ниже травы! Через месяц начнём репетировать для телевидения.

Уходит.

Хиггинс. Зачем Вы ему сказали, что будет телевидение? Его ведь не будет.

Пикеринг. Я Вас прошу! Мистер Филипс уже через 2 дня забудет об эксперименте, не говоря уже о том, что через полтора года к нему в университет должно приехать телевидение.

Хиггинс. Да и к чёрту! Пойдёмте, Элиза! Прямо сейчас мы с Вами начинаем то, что приведёт Вас к успеху. Если Вы хорошо постараетесь, конечно. Per aspera ad astra! Через тернии к звёздам!

Затемнение. Звучит музыка. На сцене – голубой свет. Выбегают актёры в зимней одежде, которые играют в снежки и веселятся. Они отходят на задний план, а на передний выдвигаются Элиза, Хиггинс и Пикеринг. Элиза сидит над книгой и что-то проговаривает, Пикеринг сидит в телефоне, а Хиггинс ходит по кабинету. Элиза, уставши, психует и бросает книгу на пол. Хиггинс подбирает книгу, замахивается на Элизу, Пикеринг вскакивает, чтобы её защитить. Они замирают и отходят на задний план, а актёры снимают зимнюю одежду и бросают её за кулисы. Свет меняется на зелёный. Некоторые из актёров разбрасывают цветочки, остальные обыгрывают эти цветочки на заднем плане. Элиза, Хиггинс и Пикеринг снова выходят на передний план. Элиза и Хиггинс о чём-то оживлённо спорят, ссорятся, а Пикеринг лежит на кресле с компрессом. Элиза бросает Хиггинсу в лицо книгу, а Хиггинс выливает на Элизу стакан воды. Они замирают, взяв друг друга за плечи. Актёры убирают цветы. Слышны морские звуки. По сцене ходят люди в пляжной одежде, которые со временем уходят.

Слышны голоса Хиггинса, Пикеринга и Элизы.

Хиггинс. *(выходит слева и что-то кричит в кулису)* Да, Элиза, поторопитесь, нам ещё стоит много чего повторить!

Пикеринг выходит справа.

Пикеринг. Ну что, Хиггинс, полгода прошло, девушка меняется на глазах. Похоже, Вам придётся признать, что Вы были неправы!

Хиггинс. Ни за что! Да, у неё на редкость музыкальный слух и она впитывает всё, как губка; да, она умна; да, она показывает потрясающие результаты в английском и математике. Но я не откажусь от своих слов о необходимости

классового разделения. Quod licet Jovi, non licet bovi. Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку.

Из центра выходит Элиза. Музыка для показа мод. Она одета в стильное платье, у неё хорошая причёска и приятный макияж. Видно, что на каблуках ей неудобно: она шатается. Пытается дефилировать. Делает это в пародийной манере.

Хиггинс. Итак, Элиза! Куда Вы направляетесь завтра?

Элиза. На светское мероприятие, посвящённое выходу новой музыкальной телепрограммы.

Хиггинс. О чём можно говорить на этом мероприятии?

Элиза. О погоде и о том, как хорошо идут дела.

Хиггинс. О чём говорить нельзя?

Элиза. Обо всём остальном.

Хиггинс. Верно! Ну что же, завтра Вы должны будете показать, что Вы научились чистому английскому языку. И я надеюсь, Вы с этим справитесь.

Элиза. Не сомневайтесь, профессор. Нет ничего, с чем бы я не могла справиться.

(поёт) ВРЕМЯ НАЧИНАТЬ ЖИЗНЬ БЕЗ ОБМАНА:
ЖИЗНЬ – ЭТО НЕ КОНФЕТКА, КРУГОМ ЛИШЬ ДРАМА.
НО Я НЕ РАЗРЕШУ СЕБЕ ПО ТЕЧЕНИЮ ПЛЫТЬ!
НЕ ЗАРПЕЩАЙ ЛЕТАТЬ, Я ЗНАЮ, КАК МНЕ БЫТЬ!
Я ВПЕРВЫЕ ЗА ВСЕ ГОДЫ ПОНЯЛА, КАК ЭТО – ЖИТЬ!
И Я НЕ РАЗРЕШУ ПРАЗДНИК ЖИЗНИ ПРЕКРАТИТЬ!
ВОЗЬМУ ОРКЕСТР, ПОЙДУ Я В ПЛАС
И, ЕСЛИ БЫТЬ ЧЕСТНОЙ,
ЖИЗНЬ ТОЛЬКО ОДНА, ДА
И Я ЕЁ НЕ ПРОВАЛЮ, ДА.
МЕНЯ ТАМ ЖДЁТ ПОБЕДА!
Я БУДУ ЖИТЬ ПРЯМ СЕЙЧАС!
ВЕРИТЬ, ЛЮБИТЬ ПРЯМ СЕЙЧАС!
ВЗДОХ ЛИШЬ ОДИН – Я ЛЕЧУ,
Я О СВОБОДЕ КРИЧУ!
ХЕЙ, МИСТЕР ХИГГИНС, ВОТ И Я!
И НИКТО, НИКТО ПРАЗДНИК НЕ ИСПОРТИТ МНЕ!

Затемнение.

Звучит музыка. На сцене стоят все актёры. Они хаотично ходят, меняя фигуры своего построения. В этих фигурах участвуют Элиза и Хиггинс. После последней фигуры, актёры делают точку, а Элиза и Хиггинс уходят.

Сцена 3.

Щелчки фотоаппаратов. Массовка меняет своё положение и становится по сцене в свободном порядке. Из зала выходит съёмочная группа и поднимается на сцену. Первый и третий планы не меняются, на второй ставится постер телешоу «Микроволны».

Играет музыка, люди общаются, иногда подходя к шведскому столу.

Режиссёр. Товарищи, я пятьдесят раз одно и то же повторять не буду. Мы работаем для зрителя, а не для себя! Поэтому свои кислые мины мне в кадре показывать не надо. В конце-концов, мероприятие очень яркое и если ты, Фредди, залагаешь – считай, ты уволен.

Фредди. Да хорошо, Господи ты ж Боже мой! Ну не могу я тянуть, извините, лыбу, когда у меня нет настроения.

Режиссёр. У актёра или ведущего никогда нет настроения – у него есть поставленная задача, которую надо выполнить.

Фредди. Но...

Режиссёр. Никаких, но Фредбер Джонсон! Я слишком долго пробирался на этот канал, чтобы меня потом уволили из-за низких рейтингов, причиной которых будешь ты!

Фредди. Я хотел сказать, что у меня рубашка запачкалась...

Режиссёр. Да чёрт тебя дери, Фредди! Возьми у кого-то пиджак. Боже, какой же ты тормоз. Мы в эфир через 2 минуты выходим.

Фредди. Но где...

Режиссёр. Да плевать мне, где ты возьмёшь пиджак – ты должен его отыскать!

Режиссёр уходит. Фредди ходит между людьми. Вклинивается в одну из групп.

Фредди. Молодой человек, извините, можно Ваш пиджак?

Парень 1. А зачем Вам?

Фредди. Ну нет так нет, чего закипать-то так!

Крадёт к другой группе. Происходит похожий диалог. Снова появляется Режиссёр.

Режиссёр. Ну что, Фредди, ты нашёл пиджак или нет?

Фредди пугается, от испуга снимает пиджак с первого попавшегося парня, надевает и убегает к камере. Режиссёр недоверчиво осматривает Фредди.
Ну допустим. Выходим в эфир через 30 секунд.

К группе подходит парень, у которого отобрали пиджак.

Парень 3. Простите, а что происходит?

Режиссёр. А что-то случилось?

Парень 3. Да дело в том, что этот молодой человек (*указывает на Фредди*) подбежал ко мне и отобрал мой пиджак. Я, конечно, не жадный, но не могли бы Вы объяснить...

Режиссёр. (*обращаясь к Фредди*) Фредди, ты идиот? Ты серьёзно просто украл пиджак? Честно, это был твой последний эфир и больше...

Оператор. Пять, четыре, три, два, один!

Режиссёр жестами отчитывает Фредди и извиняется перед парнем. Парень, понимая ситуацию, уходит.

Фредди. Добрый вечер, Лондон! Меня зовут Фредбер Джонс и это программа «Культурная жизнь» на телеканале 4+4. Сегодня я попал на вечеринку, посвящённую премьере музыкального сериала «Микроволны». Честно признаться, это офигеть, какое крупное событие для нашего телевидения – в шоу вложили очень много денег, и оно оправдало надежды!

Сначала режиссёр слушает Фредди с удовлетворением, но чем дальше, тем больше он начинает закипать, фейспалмит.

Давайте поговорим с людьми, которые имели отношение к созданию этого шоу.

Подходят к Мери Хиггинс.

Мери. *(не замечая съёмочную группу, друзьям)* Честно говоря, это шоу было для меня проходным. Ни сил, ни желания у меня на него не было. Но кто же, чёрт возьми, знал, что оно так выстрелит.

Фредди. Друзья, давайте поприветствуем режиссёра и сценариста шоу – Мери Хиггинс!

Мери испуганно поворачивается к камерам. Она натягивает улыбку.
Здравствуйте, Мери.

Мери. Добрый вечер, очень рада видеть Вас на этом мероприятии!

Фредди. Мне пришлось прийти.

Режиссёр беззвучно «кричит», психует.

Мери, расскажите, пожалуйста, как шла работа над проектом «Микроволны»?

Мери. Вы знаете, этот проект для меня очень важен. Я писала сценарии для эпизодов днями и ночами, жила на съёмочных площадках – и всё для того, чтобы наши зрители наслаждались качественным шоу!

Фредди. Оно и видно. Говорят, что бюджет шоу – шестизначный. Правда ли это?

Мери. *(загадочно улыбаясь)* Вы ведь знаете, бюджет шоу – не главная его составляющая, главное – это душа и энтузиазм, с которыми создавалось шоу. А этого у нас хватает.

Фредди. Спасибо большое.

Режиссёр. Снято!

Мимика Мери показывает, что интервью ей наскучило. В это время на сцене появляются Пикеринг, Элиза и Хиггинс. Хиггинс, замечая Мери Хиггинс, идёт к ней.

Фредди, ты мне осначертел! Что за цирк ты мне устроил в прямом эфире? Знаешь, мне это надоело! Ты... Ты уволен!

У режиссёра звонит телефон. Он берёт трубку и внимательно слушает. Сбрасывает и кладёт телефон в карман.

Поздравляю, Фредди! Я тоже уволен!

Вся съёмочная группа, кроме Фредди, уходит.

Фредди. Так, если меня уволил мой начальник, но его уволили тоже, можно считать, что я не уволен?..

Хиггинс. Привет, мам.

Мери. О, Генри, это ты! Рада, то ты пришёл. Одет ты, конечно, ужасно. Ни вкуса, ни фантазии! Вот весь в отца. А я ведь говорила, что... *(замечает Элизу)*
Ах! Это что, твоя невеста? О Боже, ты услышал мои молитвы! Как я рада!

Хиггинс. Мама, успокойся. Это не моя невеста, это – ученица.

Элиза. Да, мисс.

Мери. Да, а я уже успела обрадоваться. Как Вас зовут?

Элиза. Меня зовут Элиза Дулитл.

Мери. Меня зовут Мери Хиггинс.

Элиза. Рада нашему знакомству, мисс.

Мери. А что за молодой человек рядом с тобой, Генри? Где твои манеры?

Хиггинс. О, совсем забыл. Мама, разреши представить тебе моего товарища и коллегу – профессора Пикеринга! Мы с ним встретились абсолютно случайно, а сейчас сотрудничаем и вместе изучаем фонетику.

Пикеринг. Мадам *(целует руку)*.

Мери. Что же, я рада новым знакомствам. Элиза, не стесняйтесь, Вам стоит освоиться.

Элиза идёт к другой группе.

А она вполне милая.

Хиггинс. Мама, хватит.

Мери. Что «хватит»? Я даже начать не успела, а уже хватит! Дожилась! На старости лет сын рот закрывает...

Хиггинс вздыхает и отходит.

Фредди. В общем, уволили меня. Без права работать на телеканалах.

Элиза. Какая печаль!

Фредди. Да, это довольно неприятно.

Неловкая пауза.

Как вам погода?

Элиза. Незначительная облачность, наблюдавшаяся в западной части британских островов, возможно, распространится на восточную область. Барометр не дает основания предполагать сколько-нибудь существенных перемен в состоянии атмосферы.

Фредди улыбается.

Молодой человек, что Вы ржёте? Я что-то не так сказала?

Фредди. Да нет, всё так, просто очень любопытно.

Мать Фредди. Я надеюсь все-таки, что холодов больше не будет. Кругом столько случаев инфлюэнцы. В нашей семье все болеют инфлюэнцей регулярно каждую весну.

Элиза. У меня вот тетка умерла, так тоже говорили – от инфлюэнцы.

Мать сочувственно прищелкивает языком.

(Тем же трагическим тоном.)

А я так думаю, просто уколошили старуху.

Фредди начинает посмеиваться.

Мери. Уколошили? Это, позвольте, как?

Хиггинс. А это новомодное слово в высших кругах. Каждый уважающий себя член королевской семьи использует это слово в знак того, что английский язык живой и он может меняться.

Элиза. Да нет же...

Мери. И что же это слово обозначает?

Хиггинс. Хм... «Лишить жизни», да.

Элиза. Это, конечно, была непруха.

Фредди. Какая забавная речь!

По Хиггинсу видно, что что-то идёт не так.

(слыша музыку) А почему никто не танцует?

Хиггинс. Видите ли, Элиза, вечеринка такого формата не предусматривает подобного рода времяпровождение, так что я бы вам не советовал.

Элиза. Эх, я, конечно, рада бы Вас послушать, но что-то совсем не хочется.

Элиза осматривается по сторонам. Начинает петь.

Элиза. *(поёт)* МУЗЫКА ИГРАЕТ, БИТ НЕ ОСТАНОВИТЬ УЖЕ.

ЗАПРЕТИТЬ МНЕ НЕВОЗМОЖНО, Я ИДУ К СВОЕЙ МЕЧТЕ

И ПУСТЬ ГОВОРЯТ, ЧТО НЕПРАВА, НО

Я БУДУ ТАНЦЕВАТЬ!

И ВЕСЬ МИР ЦИКЛИЧЕН, ЭТО ТАК

И ВОКРУГ ЛИШЬ РАДОСТЬ – ЭТО ЗНАК.

Я ПОТЕРЯНА БЫЛА, ПОКА НЕ ДОШЛО:

МОЙ БИТ НЕ ПРЕКРАТИТЬ!

И С ТЕХ ПОР, КОГДА ВОЗНИКЛА ЗЕМЛЯ,

ВОЗНИКЛИ ЧУВСТВА И ТАНЕЦ – ВСЁ СТИХИЯ МОЯ.

И ЕСЛИ БУДЕШЬ МНЕ МЕШАТЬ ТАНЦЕВАТЬ, ТО ТЕБЕ КОНЕЦ!

И ОКЕАН, И ГОРЫ, РЕКИ, МОРЕ, И ЛЕСА, И ЗЕМЛЯ –

ОНИ ВСЕ БУДУТ ТАНЦЕВАТЬ, ТАНЕЦ – СТИХИЯ МОЯ.

И ЕСЛИ БУДЕШЬ МНЕ МЕШАТЬ ТАНЦЕВАТЬ, ТО ТЕБЕ КОНЕЦ!

МОЙ БИТ НЕ ПРЕКРАТИТЬ!

Фредди. ТЕЛО И ДУША ВСЕГДА СЛИВАЮТСЯ В ОДНО,

КОГДА МЫ ТАНЦУЕМ ВМЕСТЕ, КОГДА СЧАСТЬЕ МНЕ ДАНО!

И ПУСТЬ ГОВОРЯТ, ЧТО НЕПРАВ Я, НО
Я БУДУ ТАНЦЕВАТЬ!
И ВЕСЬ МИР ЦИКЛИЧЕН, ЭТО ТАК
И ВОКРУГ ЛИШЬ РАДОСТЬ – ЭТО ЗНАК.
Я ПОТЕРЯН В МИРЕ БЫЛ, ПОКА НЕ ДОШЛО:
МОЙ БИТ НЕ ПРЕКРАТИТЬ!
И С ТЕХ ПОР, КОГДА ВОЗНИКЛА ЗЕМЛЯ,
ВОЗНИКЛИ ЧУВСТВА И ТАНЕЦ – ВСЁ СТИХИЯ МОЯ.
И ЕСЛИ БУДЕШЬ МНЕ МЕШАТЬ ТАНЦЕВАТЬ, ТО ТЕБЕ КОНЕЦ!
И ОКЕАН, И ГОРЫ, РЕКИ, МОРЕ, И ЛЕСА, И ЗЕМЛЯ –
ОНИ ВСЕ БУДУТ ТАНЦЕВАТЬ, ТАНЕЦ – СТИХИЯ МОЯ.
И ЕСЛИ БУДЕШЬ МНЕ МЕШАТЬ ТАНЦЕВАТЬ, ТО ТЕБЕ КОНЕЦ!
МОЙ БИТ НЕ ПРЕКРАТИТЬ!

Элиза, Фредди и все вокруг начинают танцевать.

Музыка стихла. Сцена почти пуста, стоит только несколько человек.

Фредди и Элиза в центре комнаты.

Фредди. Элиза, я от Вас без ума! Вы такая настоящая, Вы такая... нежная, грациозная. Я... я не смогу без Вас. Где я могу Вас найти?

Элиза. О, Фредди, уговорите свои порывы! Я...

Хиггинс прокашливается. Элиза становится в «благородную стойку».
Мне пора идти. Всего доброго.

Начинается уборка комнаты. Хиггинс подходит к своей матери.

Хиггинс. Ну, каковы твои впечатления? Как думаешь, сможет ли она через год стать студенткой в Кинг Колледж?

Мери. Ты издеваешься? Ты вообще видишь, что она здесь устроила? Пляски на вечеринке, посвящённой премьере шоу! Если она и сойдёт за кого-то из Кинг Колледж, то только за уборщицу.

Хиггинс. Зря зарекаешься, мама. Я поспорил со своим приятелем, что за год она сможет стать студенткой Кинг Колледжа. Это наш педагогический эксперимент.

Мери. Она тебе кукла или что? Эксперимент! Слушай, прекрати издеваться над девушкой и отпусти её!

Хиггинс. Уже поздно, мама. Вызов принят.

Мери. Ну-ну. И всё-таки, прекращай этот балаган.

У неё звонит телефон.

(берёт трубку) Да. Что? Как это «умер»? У нас съёмки завтра! Секунду...

В панике убегает.

Хиггинс. Н-да... Иногда я думаю, в кого я такой. Смотрю на свою мать и понимаю, что точно не в неё.

Звучит музыка. Хиггинс уходит.

Сцена 4.

На сцене темно. Высвечивается телевизионный сюжет.

Ведущий. Вчера, 20 июня, на светском мероприятии, посвящённом открытию музыкального сериала «Микроволны» на канале 4+4, некая девушка плясала и пела на протяжении получаса. Что это: проход малообразованных и невоспитанных людей в высшее общество благодаря пресловутым идеям равенства или послабление правил поведения на подобных мероприятиях? Узнайте в сегодняшнем выпуске передачи «Культурная жизнь» на канале 4+4.

Свет включается. Языковая лаборатория.

Элиза сидит в телефоне на заднем плане. По авансцене ходят Пикеринг и Хиггинс.

Хиггинс. Не понимаю, в чём дело! Она, наверное, безнадежна. Я ведь учил её на протяжении полугода, каждый день. Каждый божий день мы отрабатывали произношение звуков, учили устойчивые выражения – и всё это для того, чтобы она так облажалась и чтобы о ней сняли сюжет в новостях. Просто уму непостижимо! Зря, зря я Вас послушал, Пикеринг. Bene qui stat non moveatur. Рождённый ползать летать не может.

Пикеринг. Не стоит быть таким категоричным, коллега. Да, Вы учили её английскому языку и шаблонным фразам. Но Вы не научили её главному – быть леди. Чувствовать себя ею. Внутри она всё та же дворница. Надо лишь немного терпения и труда – и она станет леди.

Вы же не собираетесь всё бросить на полпути?

Хиггинс молча думает.

Хиггинс. *(замечая, что Элиза сидит в телефоне)* Нет, Вы посмотрите! Я учу её, учу, не покладая рук, а ей это не надо! Она сидит в телефоне! Что же Вы там такого любопытного делаете?

Элиза. Общаюсь.

Хиггинс. С кем же?

Элиза. Не Вашего ума дело.

Хиггинс. Ах, вот как мы заговорили! Отдайте сейчас же телефон!

Элиза. Вы не имеете права! Я буду жаловаться!

Хиггинс. А давайте-ка я Вам напомню, у кого живёте, кто Вам преподаёт и кто Вам эти уроки оплачивает. В этом доме у Вас нет никаких прав, дряная Вы девчонка!

Пикеринг. Вам стоило бы быть вежливее с ней. Ведь сейчас вы подаёте подопечной дурной пример.

Хиггинс. Да какая тут вежливость! Она же совсем потеряла границы!

Звонок в дверь. Хиггинс идёт открывать дверь. Там стоит Фредди. Он с букетом цветов.

Фредди. Здравствуйте! А здесь живёт Элиза Дулитл?

Хиггинс. Допустим. А что Вас интересует?

Фредди. Вчера я был на мероприятии, посвящённом открытию сериала «Микроволны» в качестве ведущего и увидел там Элизу. Она была такой живой и настоящей! Я хотел бы с ней пообщаться.

Хиггинс. А откуда Вы узнали адрес? Она ведь Вам его не сказала!

Фредди. А, я спросил об этом режиссёра телешоу, не знает ли она эту **Хиггинс**. *(себе под нос, недовольно)* Мама...

Элиза всё это время что-то писала в телефоне. Фредди приходит уведомление. Хиггинс смотрит сначала на Элизу, потом на Фредди.

Так вот, с кем она переписывается всё время! Молодой человек, Вы мешаете её развитию. Настоятельно рекомендую Вам убраться отсюда, пока я не принял меры!

Фредди. Что? Вы не имеете права мешать нашим чувствам!

Хиггинс. Чувствам? Какие чувства? А кто же тогда вёл репортаж о её вчерашнем позоре, сделав её «знаменитостью» на весь Лондон?

Фредди. Это моя работа...

Хиггинс. К тому же, Вы ей безразличны.

Фредди. Это ещё надо доказать.

Хиггинс. Всего доброго.

Закрывает дверь перед носом Фредди.

Пикеринг. Кто приходил?

Хиггинс. Фредди Джонсон... Этот ведущий с Лондонского телеканала.

Элиза. Это был он? Что вы ему сказали?

Хиггинс. Правду. Я сказал, что Вы не желаете его видеть.

Элиза. Что? Да как Вы смеете?

Хиггинс. Так. Элиза, Ваша «симпатия» - всего-навсего иллюзия, а иллюзии мало того, то мешают работе, так ещё и сделают Вам больно, когда разобьются.

Элиза. Когда это Вы начали заботиться о чужих чувствах?

Хиггинс. Довольно. Я отбираю у Вас телефон. Он мешает Вам сосредоточиться. *(отбирает)*

Пикеринг. *(отводя Хиггинса в сторону)* Может, Вам стоит быть с девушкой помягче? Она ведь может не выдержать давления.

Хиггинс. Знаете, Пикеринг, гораздо хуже будет, если я буду с ней слишком мягок, и она расслабится. Тогда не будет никакого результата. А нужна ли такая работа? Думаю, никому из нас она не нужна. **Docendo discimus.** Обучая, мы учимся сами. Если мы не будем её учить – ничему не научимся сами. А я считаю, что из всего нужно извлекать опыт. *(Элизе)* Отныне, дорогая моя, Ваш день будет состоять из книг, тетрадей, занятий по этикету, потом всё по кругу с перерывом на шестичасовой сон. Вам хватит. Можете не благодарить.

Хиггинс уходит. Пикеринг, сожалея, смотрит на Элизу, но, понимая, что сделать он ничего не может, уходит.

Элиза. *(поёт)* АМУРОВ ВЫСТРЕЛ ТАК МЕТОК БЫЛ.
ЛИШЬ ПАРОЙ СЛОВ, ЛИШЬ ОДНОЙ УЛЫБКОЙ МЕНЯ СГУБИЛ.
ОН ПОРАЗИЛ МЕНЯ ГЛУБОКО.
СОЛИДНОЙ ДАМЕ НЕЛЬЗЯ ВЛЮБЛЯТЬСЯ ТАК ЛЕГКО!
ТЕРЯЮ Я КОНТРОЛЬ,
КОГДА ТЫ НЕ СО МНОЙ,
И ЖАР В ГРУДИ,
МОЛЮ ПРИЙДИ,
МОЙ ДОРОГОЙ!

Пока Элиза поёт, появляется Фредди – её фантазия. Она с ним танцует.

Фредди. ТЫ НЕ ТРАТЬ НАРПАСНО ЧУВСТВА,
ПРОСТО ЛЮБИ МЕНЯ!
БЕЗ ТЕБЯ НА СЕРДЦЕ ГРУСТНО,
ПРОСТО ЛЮБИ МЕНЯ!

Фредди постепенно уходит, маша Элизе рукой в знак прощания. Затемнение.

Элиза остаётся одна на сцене в центре. Она сидит на сцене, думая, что делать. Звучит музыка. По сцене ходит луч света. Она встаёт, следуя за лучом света, и танцует с ним около четырёх минут. В конце концов, луч светит за кулисы, и она направляется за ним. Всё это происходит под песню «Caribbean blue».

Сцена 5.

Слышен шум моря. Выходят люди, которые ходят в пляжной одежде.

Слышна музыка и весёлые голоса. Кто-то из актёров пробегает по авансцене в костюме и рюкзаке. На сцену выбрасывают осенние листья.

Актёры переодеваются в школьную одежду. В это время Элиза идёт с книгой на голове, пытаясь её не уронить. Однако, она её постоянно роняет. После этого, дворник замечает листья и уходит. Слышно завывание ветра. Выбегают актёры, одетые в зимнюю одежду. Они играют в снежки. В это время Элиза повторяет то же самое действие, однако у неё это уже выходит в разы лучше. На сцене снова появляются цветы. Актёры гуляют по сцене, фотографируются. Элиза читает книгу и заучивает отрывок наизусть. Цветы забирают.

Цветы из ваз на первом плане меняют с ромашек на лилии. Вид Лондона так же меняется: теперь он изображён в синих и чёрных тонах.

Слышен шум моря. Звучит музыка из пролога и включается свет.

Актёры рассеиваются по сцене. Некоторые из них ходят с учебниками и повторяют материал, другие – сидят в телефоне, третьи – общаются с другими. На сцене появляются Элиза, Пикеринг и Хиггинс. Элиза одета в

синее платье. Причёска собрана, макияж – в меру. Расположение актёров на сцене аналогично такому, какое было в сцене 1.

Девушка 2. (жуя булку) Я даже не знаю, на какой балл я сдала экзамены. Как-то не особо волнует. (показывает телефон парню, который сидит рядом) Смотри, я вот прочла, что Билл Гейтс высшего образования не получал. И посмотри, где он! Один из богатейших людей в мире!

Парень 2. Что-то ты себя недооцениваешь. Куда Биллу Гейтсу до тебя! Ты уже три раза его догнала и перегнала в интеллектуальном плане, ему до тебя ещё расти и расти. Так что ты, конечно, тоже можешь никуда не поступать.

Девушка 2. Правда?

Парень 2. Да, будешь профессором диванных наук. Очень прибыльное занятие!

Девушка фыркает и отворачивается от парня.

Хиггинс. Элиза, помните всё, то, чему я Вас учил. Несите себя, как белого лебедя. Показывайте это в своих движениях, словах. **Homo novus. Вы – новый человек. Так покажите это всем!**

Элиза. Спасибо Вам, мистер Хиггинс. Возможно, сейчас не самый лучший момент, но я правда благодарна Вам, профессор Хиггинс, и Вам, мистер Пикеринг, за работу, которую Вы проделали со мной. Я не знаю, где бы я была, если не Вы.

Пикеринг. Не стоит благодарностей, Элиза, – нам это было в радость.

Хиггинс. Ну, как сказать...

Все посмеиваются. Элиза отходит в сторону и случайно наступает на ногу Девушке 1.

Девушка 2. Эй! Смотри, куда прёшь!

Элиза. (растерянно) Извините, я не специально...

Девушка 2. Не специально она! Глаза надо открывать, когда из дома выходишь!

Парень 2. Перестань ей хамить! Не могла она тебе специально на ногу наступить.

Возмущение девушки. Все на стороне парня и Элизы.

Элиза. Я, конечно, специально этого не делала, но почему Вы решили, что я не смогла бы этого сделать?

Парень 2. Ну... Вы так выглядите... Солидно. Не думаю, что Вы бы стали этим заниматься подобным.

Элиза. Вы судите по внешнему виду. И это неправильно в любом случае. Знаете, полтора года назад толпа людей кричала мне всякие оскорбления и неприятные слова вслед, потому что я случайно наступила на ногу бездомному, убирая на улице. А сейчас меня все защищают. И знаете, в чём разница? Разница лишь в том, что тогда я была хуже одета и хуже говорила. Вот и всё. Где же тогда равенство? Нам повсюду о нём кричат, но его до сих пор нет. Тебя могут оскорблять последними словами ни за

что, просто за то, что ты как-то «не так», в понимании современных людей, выглядишь. И я от этого однажды пострадала.

Парень 2. Какие жестокие люди! Я бы с Вами никогда не поступил таким образом.

Элиза собирается, что-то ответить, но тут выходит девушка, которая называет имя и фамилию Элизы. Все, кроме Элизы уходят.

Звучит музыка. На сцене – Элиза и члены приёмной комиссии. Элиза общается с ними, что-то пишет, отвечает на вопросы. В конце концов, уходит. Сцена пуста.

Тиканье часов. Звенит звонок. Снова языковая лаборатория Хиггинса. Пусто.

Звучит радостная музыка. На сцену выбегают Хиггинс, Пикеринг, явно радуясь. За ними спокойно, но радостно идёт Элиза.

Пикеринг. Да! Мы это сделали, Хиггинс! Мы это сделали! И всё-таки, Ваша теория неверна! Каждый, чёрт возьми, каждый, вне зависимости от его социального происхождения, может стать уважаемым членом общества. И теперь это не просто разговоры. Ура!

Хиггинс. Нехотя, но я осознаю свою неправоту, хотя не до конца. Во многих случаях всё зависит от педагога: талантлив он или нет. А в нашем случае он очень талантлив.

Все, кроме Элизы, смеются. Она пытается обратить на себя внимание профессоров, ходя перед ними. Но они никак на это не реагируют.

Слава Богу, слава Богу, что всё закончилось! Мы, Пикеринг, прошли с Вами весь этот путь от начала и до конца. Сделать из этого нечто девушку, девушку, которая всем нужна и о которой все думают – это ли не гениальность? Гениальность науки. *Nam sine doctrinā vita est quasi mortis imāgo*. «Ибо без науки жизнь есть как бы подобие смерти», - об этом говорили ещё в Древней Греции.

Теперь я буду отдыхать. И Вам, Пикеринг, отдых не помешает.

Пикеринг. Да, согласен. Отдохнуть надо всем нам, и в особенности Элизе.

Хиггинс. Да, ей тоже.

Хиггинс уходит, а вслед за ним и Пикеринг.

Элиза проходит по кабинету и садится на стул. Видно, что ей грустно, но она старается держаться. Уже сидя, она осматривает кабинет, натягивая улыбку. Вдруг, она замечает учебник и берёт его в руки. Не в силах больше сдерживаться, она начинает рыдать. Она бросает учебник и утыкается с подушку носом.

Хиггинс. (появляясь на входе в комнату) Куда девались эти чёртовы туфли?

Элиза. (отрываясь от плача, находит одну из туфель) Туфли? Сейчас Вас беспокоят туфли? *(швыряет в Хиггинса туфлю)* Держите! Подавитесь своими туфлями!

Хиггинс. Да... Да что такое, право?

Элиза. Ничего! Для Вас ничего! Вы благодарите Бога, что всё кончилось.

Хиггинс. А для Вас это разве не радость? Теперь Вы вольны делать, что хотите! Я даже верну Вам Ваш телефон.

Элиза. Да чёрт с ним, с этим телефоном! Оставьте этот телефон себе или сдайте его в ломбард, мне до него нет никакого дела.

Хиггинс. Странно от Вас такое слышать.

Элиза. Странно от Вас слышать уважительный тон по уважению ко мне.

Хиггинс. Простите?

Элиза. Весь год Вы обращались ко мне, как к отребьям. И только сегодня Вы наконец удосужились говорить со мной без презрения. В то время, как мистер Пикеринг всегда обращался ко мне, как к леди. Даже тогда, когда я ею не была. То, какая я сейчас – по большей части его заслуга.

Только мистер Пикеринг хотя бы вспомнил обо мне после того, как я выиграла Вам пари. Вы же не сказали ни слова.

Хиггинс. Вы выиграли пари? Вы? Какая же Вы отвратительная! Да без меня Вы никуда не годитесь!

Элиза. Да. Без Вас я никуда не похужу! Что мне теперь делать... Кому я нужна? Для меня это было жизнью, а для Вас – лишь экспериментом. Теперь же вы благодарите Бога за то, что всё закончилось. А куда пойду я, Вас совершенно не интересует!

Хиггинс. А на кой чёрт меня это должно интересовать? У меня своя жизнь, а у Вас своя.

Элиза. В таком случае, Вам будет лучше без меня.

Хиггинс. Позаботьтесь о себе. Вы можете жить у меня. Так Вам будет легче устроиться, а мне будет легче вести быт.

Элиза. Вы привыкли относиться к людям, как к вещам, но чтобы настолько... Я опустошена Вашим безразличием.

Хиггинс. Послушайте, Элиза. Если я всё в своей профессии буду пропускать через себя, на мне не останется живого места. Я отстраняюсь, и Вам стоит попробовать то же самое. Ложитесь и выспитесь, а завтра вся эта чепуха уйдёт из Вашей светлой головушки навсегда.

Элиза. Надеюсь, то же случится с моими воспоминаниями о Вас.

Хиггинс. Не думал я, что Вы такая бесчувственная.

Уходит.

Элиза. *(поёт)* БЫЛА ПОТЯСАНА В ПЕРВЫЙ РАЗ ТОБОЙ,
НЕ ЗНАЮ ДАЖЕ, КАК МНЕ БЫТЬ, КАК СОВЛАДАТЬ С СОБОЙ.
КОПАЛАСЬ ДОЛГО Я В СЕБЕ, ПЫТАЛАСЬ ВЕРНЫЙ ПУТЬ НАЙТИ,
НО Я УШЛА... У НАС ВЕДЬ РАЗНЫЕ ПУТИ!
Я ВЕДЬ НЕ СДАМСЯ, Я ИДУ ПО ДОРОГЕ,
И НАПЛЕВАТЬ МНЕ ВООБЩЕ НА ТРЕВОГИ!

**ВЕДЬ Я БУДУ ЖИТЬ, Я БУДУ СТАРАТЬСЯ,
И БУДУ ВРАГАМ В ЛИЦО Я СМЕЯТЬСЯ!**

Танцевальная импровизация. Берёт лист бумаги, что-то на нём пишет и уходит.

Сцена 6.

Телефонный звонок. Актёры убегают. На сцену вылетают Пикеринг и Хиггинс. Городской парк, 9 часов утра.

Хиггинс. (держа телефон в руках) Ну куда, куда она пропала? Где она и что с ней? Почему у неё отключен телефон?

Пикеринг. Не беспокойтесь. Я слышал, Вы несколько вспылили вчера вечером, перед сном. Возможно, она обиделась на Вас и ушла.

Хиггинс. Она обиделась! А о том, что она обидела меня, она не подумала? Где мне её теперь искать?

На сцену выходят прохожие. Они хаотично ходят под ритмичную музыку, меняя позы. Хиггинс и Пикеринг обеспокоенно ищут Элизу, ходя между актёрами. В конце концов, они замечают её сидящей на скамейке.

Она смотрит вдаль. Вид у неё печальный. В руках какая-то бумажка. (замечая Элизу) **Пикеринг!** Смотрите! Вот эта чертовка! Ну я ей сейчас!

Пикеринг. Коллега, сохраняйте спокойствие. Она всё-таки девушка, воздержитесь от грубостей.

Хиггинс. Знаете, а Вы правы. Я буду сохранять спокойствие. Пусть думает, что мне безразлично, где она и чем занимается. Она это заслужила.

Будто бы просто гуляя по парку, идёт к Элизе.

О, кого я вижу! Элиза Дулитл собственной персоной! Я ещё удивился тому, что утром не обнаружил Вас в своём доме. А Вы, оказывается, погулять решили... Знаете ли, у всего есть конец. И у прогулки тоже. Давайте возвращаться домой.

Элиза неподвижна.

Не хотите? Ну ладно. Когда нагуляетесь, приходите обратно. Только купите, пожалуйста, сыра.

Элиза. Купите сами. *(суёт Хиггинсу бумажку и уходит)*

Звучит музыка. Хиггинс медленно разворачивает записку. Свет гаснет. Играть музыка.

Голос Элизы. Дорогой профессор Хиггинс! Я благодарна Вам за всё, что Вы мне дали. Я действительно другой человек, и я этому рада. Но... это не я. Я была там, на улице, полтора года назад. Я знала, что делать, как жить, у меня были свои убеждения. А сейчас... А сейчас у меня нет ничего своего. Это всё Ваше. Я – Ваше творение. Сама я не могу ничего. Эта

жизнь оказалась слишком сложной для меня. Собаке – собачья жизнь, как говорится.

Я возвращаюсь в Лиссингроув. Да, я там жила в ужасных условиях, но я знала, как там жить. Сейчас, не смотря на свою эрудированность и образованность, я не знаю ничего. Совсем ничего.

Я буду преподавать, если у меня получится. Передавать другим те знания, что Вы дали мне.

Если же нет, то опять стану дворницей. Это мне и правда под силу.

О Кинг Колледже не беспокойтесь, этот вопрос я решила сегодня утром.

Не стоит меня искать, я сделала свой выбор.

Всегда Ваша, Элиза Дулитл.

Свет включается. Хиггинс медленно садится на землю. Смотрит в одну точку.

Хиггинс. *(поёт)* БЫЛ РАСТОПТАН ТОБОЙ, И ТЫ ПОМНИШЬ, КОГДА.

И РЕШИЛ Я ТЕБЯ ПОЗАБЫТЬ НАВСЕГДА.

ЧТО ТУТ СКАЗАТЬ? МНЕ БЫ БЫТЬ УМНЕЙ!

ЛИШЬ ОДИН ВЗГЛЯД – И С ДУШОЙ НЕ СЛАДИТЬ МНЕ.

СЕРДЦЕ СНОВА ГОРИТ В ОГНЕ!

ТОЛЬКО ВЗГЛЯД – И Я ОТДАМ ТЕБЕ ВСЁ!

ТОЛЬКО ВЗГЛЯД – ЗАПОМНЮ ИМЯ ТВОЁ!

МАММА МИА! НЕУЖЕЛЬ ОПЯТЬ

ТЫ ЗДЕСЬ, ЗНАЧИТ ВСЁ СНАЧАЛА!

МАММА МИА! ЧТО ЖЕ МНЕ СКАЗАТЬ?

СЕРДЦЕ ПО ТЕБЕ СКУЧАЛО!

СЕРДЦЕ МОЁ РАЗБИЛОСЬ

В ДЕНЬ, КОГДА МЫ ПРОСТИЛИСЬ!

ЗАЧЕМ Я РАЗРЕШИЛ ТЕБЕ УЙТИ?

МАММА МИА! МИЛАЯ, ПРОСТИ,

НО ВНОВЬ Я НЕ ДАМ ТЕБЕ УЙТИ!

Хиггинс убегает. Пикеринг пытается его окликнуть, но это бесполезно. Пикеринг идёт за кулисы.

Свет гаснет.

Слышен шум поезда и голос диктора: «Поезд №2807 направлением Лондон-Лиссингроув отправляется с 03 платформы. Приятной дороги!».

Свет включается. На сцене пусто.

Финальная песня – «Super Trouper», во время которой выходят все участники спектакля. Общий танец. В финале песни Пикеринг и Элиза встречаются и, танцуя общий танец, остаются вместе.

КОНЕЦ.